

> ПОЭТИЧЕСКОЙ
СТРОКОЙ

Андрей НЮРКИН

Потомкам

У меня в кармане
Ручка-самописка.
У меня в котомке
Нечего и брать.
Пусть меня помянут
В памятной записке:
Вот, мол, был такой-то,
Вот горазд был врать.

Пусть потом потомки
Шарят по котомке,
Может, и отыщут
Путевое чего,
Если не наткнутся
Носом на потемки –
Ведь у меня в котомке
Потемок с полкило.

И вовнутрь запустит
Руку аналитик,
Проанализирует
Содержимое,
Ошарашит публику
Ворохом открытий,
Намногографирует
Одержимо ей.

Мол, это вам не просто
Лапти с коромыслом –
Это собирал он
По разным городам.
Это, мол, с глубоким
Очень даже смыслом:
Откроешь – нет потемок,
Закроешь – снова там...

Ладно уж, чего там,
Граждане потомки,
Лучше б в самописку
Вставили перо.
Что же, что в котомке
Сплошь одни потемки?
Во-он в шкафу – потемок
Поболее того.

* * *

Понаперли кучей вопиющей,
Понасперли винтиков и гаек –
И давай закручивать покруче,
С песенкою весело шагая.

Правых понавыперли налево,
Сзаду поназаперли ворота,
Спереду уперлись прямо в небо
Кукишем, лоснящимся от пота.

И тогда, ухабист и оглоблен,
С чердака опустился Он устало.
И раздался глас его утробен,
Что без веры, дескать,
не пристало.

И пошла-поехала родная,
В ход пуская бублики и плети, –
Истово. С нахрапом. Запевая...
И глядишь – всего через столетье,

Поднятые ввысь одной лишь верой,
Свесив вниз носы и гениталии,
Над Парижем на листе фанеры
Пролетают наши пролетарии.

История состоит
из «мелочей»

> Время продолжает жизнь в старых вещах

«ЗДЕСЬ все теперь воспоминанье...»

Эта строка из стихотворения Максимилиана Волошина положена в заглавие необычной экспозиции, которую готовят к открытию в октябре в Магнитогорском краеведческом музее.

Обычно, рассказывая о советском периоде, мы часто говорим, как люди трудились, и очень редко – как жили в самом конкретном смысле: как выглядела комната, какая была обстановка, при помощи чего создавался уют... Историк Лотман говорил: «Без знания простой жизни, ее, казалось бы, «мелочей» нет понимания истории». Наша выставка – воссоздание внутреннего вида жилого помещения 50–70 годов XX века.

Создатель выставки – старший научный сотрудник Галина Старикова рассказывает, что идею воспроизвести интерьер жилой комнаты «подказала» фондовая коллекция мебели тех лет, которая в последнее время серьезно пополнилась. Постепенно обстановка стала «обрастать» дополнениями и деталями: зеркалами, настенными часами, книгами, салфетками, милыми вещичками... И вот перед нами «дом» со своим духом времени, знаками и символами. В процессе работы комната наполнялась жизнью, которая, как кадры документального фильма о прошлом, волнует и берет за душу. И опять хочется обратиться к строчкам из стихотворения Волошина:

«И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходя, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая»

А вопросов, действительно, может возникнуть много, особенно у молодежи. Например, зачем здесь череда слоников мал мала меньше? Или – что это за громоздкий агрегат, соединивший в себе телевизор, радио и проигрыватель?..

– У музейщиков существует понятие «археоло-

гия вещи», – рассказывает Г. Старикова. – Она исследует время возникновения вещи, какое значение она имела, носителем каких ценностей являлась. Вот, например, телерадиола «Призма» выпуска 1961 года, один из редких образцов отечественного радиопрома. Производилась модель в Новгороде, выпущено не более ста пятидесяти. А знаковость этой вещи в том, что ее не было в свободной продаже – телерадиолу использовали в качестве награды за труд передовикам производства. Или другой экспонат – флакон духов «Красная Москва».

История их создания очень интересна. В 1861 году в Россию из ФилADELPHI приехал парфюмер Генрих Брокер. В 1882 году он создал духи «Букет императрицы», которые наряду с другой продукцией поставляли императорскому двору. После революции фабрика была национализирована, названа «Новая Заря», а духи «Букет императрицы» получили название «Красная Москва».

Действительно, любая из вещей, которыми заполнена наша комната, – знаковая, имеющая свою биографию. Шкафчики, буфет, трюмо – родом из тридцатых, а то и из двадцатых годов, и наверняка достались владельцу по наследству. Многие семьи имели швейные машинки «Зингер», практически у всех был комод, в центре комнаты – круглый стол. Вышитые салфетки, вязанные скатерти, фарфоровые статуэтки – принятый в то время стандарт придавал помещению опрятность и уют. Мне, проводившей детство в той эпохе, такая насыщенность вещами представляется милой патриархальностью. Но, на самом деле, плотная заставленность жилища исходила от бедности и дефицита. Ничего не выбрасывали. Предполагалось, что все это пригодится

детям. И еще: наши люди не привыкли жить в открытых, свободных пространствах. Корни этой привычки – в коммунаках.

Понятно, что вещи нашей экспозиции существуют не сами по себе. Это еще и вкусы, пристрастия, возможности и, в какой-то степени, – биографии их владельцев. Много предметов принадлежало семье Курдюмовых – Валентине Игнатьевне и Александру Александровичу. Оба дворянского происхождения. Глава семейства – инженер, работал на многих предприятиях страны, с 1936 года – на Магнитке. Валентина Игнатьевна вела домашнее хозяйство, воспитывала детей. Благодаря ее тонкому вкусу и бережливости в нашей экспозиции мы имеем предметы старинной фарфоровой посуды, кофемолку, щипцы для сахара... Сохранились и фотографии Курдюмовых тех лет. Над кабинетным рабочим столом висит портрет Александра Александровича, а у зеркала в старинной овальной рамке – портрет красавицы Валентины.

Но вернемся к нашей теме. Интерьер жилого помещения 50–70 годов, несмотря на большое количество вещей, не создавал впечатление бездумного и хаотичного набора. И в нашей комнате есть своя гармония и логика. В ней видится индивидуальный мир, семейная духовная крепость. Перед лицом неприветливой внешней среды квартира была территорией защищенности.

Хочу обратить внимание на еще одну находку экспозиционера. В интерьере все расположено так, будто люди, только что сидевшие за столом, вдруг встали и ушли. На столе приготовленные к обеду приборы, самовар, фрукты в вазе, чайные чашки, но стулья в беспорядке отодвинуты, салфетки брошены... А на рабочем столе хозяина с телефонного аппарата снята трубка и положена

рядом. Что случилось?

Всякое могло быть. Тем более что в биографии А. Курдюмова был факт, когда в связи с делом «промпартии» он был арестован, обвинен и

отправлен на десять лет в Сибирь.

Советская квартира – это музей чувств. Каждый предмет интерьера вобрал в себя слишком много эмоций. В этом и ценность подлинных предметов. Именно поэтому, если повторить Волошина: «...И тени движутся, отходят, вырастая».

Тема интерьера – бесконечна, ее можно дополнять по всем аспектам. Поэтому мы обращаемся к людям пожившим: если у вас сохранились вещи тех лет, которые в свое время создавали характерное убранство жилья или имели традиционное практическое значение в быту и которые сейчас не востребованы и стали ненужными, – обращайтесь в краеведческий музей. Может быть, ваши предметы станут важным и интересным дополнением для нашей выставки

ТАТЬЯНА ФАТИНА,
старший научный сотрудник
краеведческого музея
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

> Нравы историков свидетельствуют о состоянии истории. Лев КАРСАВИН